ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

HISTORICAL SCIENCES

https://doi.org/10.47370/2078-1024-2022-14-1-13-21
УДК 903.022”637”

Алексеев К.А.

К ВОПРОСУ О ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ НОСИТЕЛЕЙ КУЛЬТУРЫ МНОГОВАЛИКОВОЙ КЕРАМИКИ

Алексеев Константин Александрович,
кандидат философских наук, доцент филиала ФГБОУ ВО «Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина», Тверь, Россия,
e-mail: alekseev.k@mail.ru,
тел.: +7 (996) 347 39 24

Аннотация

На данной стадии археологических и антропологических исследований сложился консенсус мнений относительно хода исторического процесса в Причерноморских степях в Бронзовом веке. Благодаря этому стало возможным не только определение происхождения и генетических связей отдельных археологических культур, но и разрешение проблемы этнолингвистической принадлежности носителей этих культур. Целью настоящей статьи является комплексный анализ имеющихся в распоряжении данных лингвистики, глоттохронологии, мифологии, археологии, антропологии и палеогенетики для формулирования гипотезы языковой атрибуции культуры многоваликовой керамики. После определения языковой принадлежности носителей культуры многоваликовой керамики частной задачей было проследить историческую судьбу выявленных диалектов вплоть до выхода их носителей на современные места обитания. Основным методом избрано ретроспективное углубление от культуры многоваликовой керамики к ее истокам и предполагаемым предкам. С точки зрения археологии и антропологии предками носителей культуры многоваликовой керамики оказывается животиловско-волчанская филиация Трипольской культуры. Вместе с насельниками Михайловки II они обнаруживают генетическую связь с городско-касперовской группой Трипольской культуры. Поскольку ямники Михайловки II более или менее надежно атрибутируются как сатемные индоиранцы, мы, определяя собственное место носителей культуры многоваликовой керамики в системе ареально-диалектной дивергенции индоевропейской языковой семьи, приходим к ключевому выводу, что они сами и их животиловско-волчанские предки говорили на архаичных кафирских диалектах, отличающихся отсутствием палатализации фонетического ряда.

Ключевые слова: индоиранцы, кафиры, археология, культура многоваликовой керамики, животиловско-волчанские предки Михайловка III

Для цитирования: Алексеев К.А. К вопросу о лингвистической принадлежности носителей культуры многоваликовой керамики // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2022. Том 14, № 1. С. 13–21. https://doi.org/10.47370/2078-1024-2022-14-1-13-21.

Alekseev K.A.

TO THE PROBLEM OF LINGUISTIC AFFILIATION OF THE BEARERS OF MULTIROLLED CERAMIC CULTURE

Alekseev Konstantin Alexandrovich,
Candidate of Philosophy, an associate professor, a branch of FSBEI HE "The Russian State University named after A.N. Kosygin", Tver, Russia,
e-mail: alekseev.k@mail.ru,
tel.: +7 (996) 347 39 24

Annotation

At this stage of archaeological and anthropological research, a consensus of opinions has developed regarding the course of the historical process in the Black Sea steppes in the Bronze Age. Thanks to this, it has become possible not only to determine the origin and genetic relationships of individual archaeological cultures, but also to resolve the problem of the ethnolinguistic affiliation of the bearers of these cultures. The purpose of the research is a comprehensive analysis of the available data of linguistics, glottochronology, mythology, archeology, anthropology and paleogenetics in order to formulate a hypothesis of linguistic attribution of the culture of multi-rolled ceramics. After determining the linguistic affiliation of the carriers of the culture of multi-rolled ceramics, a private task was to trace the historical fate of the identified dialects until the release of their carriers to modern habitats.

The main method chosen was a retrospective deepening from the culture of multi-rolled ceramics to its origins and alleged ancestors. From the point of view of archeology and anthropology, the ancestors of the carriers of the culture of multi-rolled ceramics turn out to be the Zhivatilovo-Volchanskaya filiation of the Trypillian culture. Together with the inhabitants of Mikhailovka II, they have a genetic connection with the urban-Kasperovkaya group of the Trypillian culture. Since the Yamniks of Mikhailovka II are more or less reliably attributed as Satem Indo-Iranians, we have come the key conclusion, defining the own place of the carriers of the culture of multi-rolled ceramics in the system of areal-dialect divergence of the Indo-European language family, that they themselves and their Zhivtilovo-Volchan ancestors spoke archaic the Kafir dialects, characterized by the absence of palatalization of the phonetic series.

Keywords: the Indo-Iranians, kafirs, archeology, multirolled ceramic culture, Zhytilovo-Volchansk ancestors, Mikhailovka III

For citation: Alekseev K.A. To the problem of linguistic affiliation of the bearers of multirolled ceramic culture // Vestnik Majkopskogo gosudarstvennogo tehnologičeskogo universiteta. 2022. Volume 14, No. 1. P. 13–21. https://doi.org/10.47370/2078-1024-2022-14-1-13-21.

Культура многоваликовой керамики (КМК), или Бабинская культура (по эпонимному памятнику в низовьях Днепра), которую Е.Е. Кузьмина синхронизирует

с Новокумакским горизонтом (по радиоуглеродным датировкам 2000–1825 гг. до н.э.) [8, с. 454], явилась своеобразным археологическим ренессансом культурных традиций населения, проживавшего в нижнем Поднепровье и Приазовье в период, предшествовавший донецкой (поздней) катакомбной культуре. Поздние катакомбники – это круглоголовые брахицефалы из Калмыкии, которые на сравнительно недолгое время захватили территории вплоть до Буга. Однако в период КМК этот брахицефальный элемент полностью исчезает и происходит возрождение узколицего, долихоцефального (средиземноморского) антропологического типа, ранее широко распространенного от Южного Буга до Молочной [7, с. 41–43]. Таким образом, истоки КМК следует искать в до-донецком времени: будущие носители КМК компактно проживали в указанном регионе в период ямной и ранней катакомбной культуры, составляя основное население Херсонщины и Запорожья [4].

Первые образцы будущей многоваликовой керамики обнаруживаются в Михайловке III на Днепре (на его противоположном берегу находится Бабино) [5, с. 72]. Итак, насельников Михайловки III и всего круга памятников, с ней связанных, мы считаем предками носителей КМК, что подтверждается единством антропологического типа.

При этом обратим внимание, что с антропологической точки зрения население Михайловки II, III и КМК – едино, однако ошибочно будет полагать, что средние михайловцы были прямыми предками поздних михайловцев и соответственно носителей КМК. Между Михайловкой II и III произошло массовое вторжение поздних ямников [15]. Именно эти поздние ямники основали Михайловку III, а также Южно-Бугский вариант Ямной общности и были предками носителей КМК. Единство антропологического типа поздних ямников с насельниками Михайловки II указывает, что они были генетически родственны, поэтому на антропологическом уровне изменения состава населения не обнаруживается, однако на уровне языка и культуры поздние ямники все же были иной группой населения, отличной от средних михайловцев, хотя и близкородственной им.

Итак, вопрос об этнической атрибуции носителей КМК сводится к тому, кем были поздние ямники Михайловки III.

Ряд археологических данных свидетельствует о приходе этого населения с Северного Кавказа. Там, в дольменной культуре практиковалось использование чаш-курильниц на трех ножках [5, с. 73–75], также применялась своеобразная технология крепления ручки с помощью глиняного стержня (шпеньки), вставленного в стенку сосуда. Аналогичная технология практиковалась и в ранней катакомбной культуре Приазовья [5, с. 67, 72]. Наконец, техника домостроения Михайловки III (прямоугольные дома на каменном фундаменте) находит соответствия в поселении Старчики дольменной культуры [5, с. 87].

В 1978 году В.И. Марковин высказал предположение об эволюции дольменов с отверстием станицы Новосвободной в классические плиточные дольмены одноименной культуры. В конечном счете, М.Б. Рысин обнаружил многочисленные подтверждения указанной генетической преемственности, которую «демонстрируют ландшафт и тип хозяйства, каменная индустрия, металлургия и металлообработка, деревообработка», а также керамический комплекс – трансляция из Новосвободной в дольменную культуру ведущего типа реповидных сосудов и технология шпеньков [12, с. 86, 110–111, 113]. Характерная технология шпеньков через дольменную культуру транслируется из Новосвободной в Михайловку III.

Культура Новосвободной была элитарной, ее характерным элементом были роскошные «княжеские» гробницы,

напротив дольменная культура эгалитарна, дольмены – это коллективные гробницы, культовые центры родов-племен [12, с. 89; 5, с. 86]. По существу, в постмайкопское время на Успенском (начальном) этапе Средней бронзы происходит «растекание» элиты, ранее компактно проживавшей в ареале Новосвободной, по всему Кавказу. Коль скоро дольмены есть знак, обозначающий систему религиозных верований, в том числе в загробное бытие, распространение среди широких слоев населения духовных ценностей элиты позволяет предполагать распространение также и языка элиты.

Трансформация культуры Новосвободной и «растекание» элиты, ее языка и духовной культуры порождают мощный миграционный импульс – элита ведет за собой своих новых подданных. На Кубани формируется Новотитаровская культура, носители которой, по мнению В.А. Сафронова, огибают Азовское море и Западное Причерноморье и по радиоуглеродным датировкам около 2220 г. до н.э. оставляют курган Плачидол в современной Болгарии [13]. В том же направлении мигрировали носители дольменной культуры, формируя на Нижнем Дону и в Приазовье позднеямные и раннекатакомбные древности (Алитуб, Кулешовка, Волчанск на Молочной, Балки на Каховском водохранилище) [5, с. 85–86]. Наконец, этот импульс переходит на Правобережье Днепра и формирует верхний слой Михайловки, затухая на Ингуле. Там в погребении 17 кург. 1 Старогорожено (близ Батшанки Николаевской области) обнаружен кинжал, типологически близкий культуре Новосвободной [15, с. 57] или Успенским древностям [5, с. 85], в любом случае, происходящий с Северного Кавказа. Мы полагаем, что кавказские древности, обнаруживаемые в погребениях Южнобугского варианта поздней Ямной культуры, так же как и верхний слой поселения Михайловки III, бесспорно доказывают приход населения с Северного Кавказа.

В отношении происхождения культуры Новосвободной обнаруживается единство мнений исследователей. Принципиально важным методологическим достижением является как таковое признание возможности миграции носителей европейских земледельческих культур с запада на восток (на Кавказ) [5, с. 81]. Детали различных концепций разняться, но принцип остается неизменным: истоки Новосвободной обнаруживают в Центральной либо Восточной Европе.

В самом конце Советской эпохи А.Д. Резепкин и В.А. Сафронов независимо друг от друга высказали смелые гипотезы о генетической связи Новосвободной на Кавказе с культурами Центральной Европы. Только Сафронов видел истоки Новосвободной в культуре шаровидных амфор (КША) [13, с. 208], а Резепкин – в баальбергской фазе культуры воронковидных кубков. С последним в целом согласился М.Б. Рысин [12, с. 87]. При этом учитывая концепцию Сафронова о происхождении КША от культуры воронковидных кубков (КВК) [13, с. 213], между его подходом и подходом Резепкина в конечном счете возникает историческая инвариантность.

Современные палеогенетические исследования отечественных ученых пытаются материально обосновать указанный подход. В частности, у насельников Новосвободной обнаружена митохондриальная гаплогруппа mtHg V7, которую пытаются представить как доказательство происхождения ее носителей из ареала КВК [10, с. 37–38]. Полностью принимая как таковой факт присутствия mtHg V7 у насельников Новосвободной, мы не можем согласиться с выводами исследователей, что это обстоятельство подтверждает происхождение из ареала КВК: ни в Баальберге, ни в предшествующей культуре линейно-ленточной керамики, ни на территории Германии, ни на территории

Польши субклад V7 не встречается. В чистом виде обнаруживается лишь предковая mtHg V [16, s. 367, 372] и ее субклад V14 [17, sup. tab. 1]. В связи с этим генетика не дает бесспорных доказательств правильности концепции Сафронова – Резепкина. По мысли последнего передаточным звеном между КВК и Кавказом служила культура Михайловки I. Однако мы склонны согласиться с В.А. Трифоновым, не усматривающим никакого родства между КВК и Нижней Михайловкой [14, с. 289].

Методологически верным следует признать подход, который обнаруживает бесспорные свидетельства преодоления носителями культур Старой Европы Днепровского рубежа с запада на восток и их проникновения на Левобережье, что открывает возможность для дальнейших миграций на Кавказ. Для КВК такого бесспорного свидетельства нет, зато имеется для Трипольской культуры. В 1978 году И.Ф. Ковалева выделила в Орель-Самарском междуречье на Левобережье Днепра животиловскую группу памятников Триполья CII (близ Новомосковска Днепропетровской области). Впоследствии аналогичные памятники были обнаружены на Молочной в Запорожье (Волчанск). Своим существованием животиловско-волчанская группа доказывает как таковую принципиальную возможность миграций коренных трипольцев в глубь Великой степи на расстояние 650 км.

Ю.Я. Рассамакин вполне обоснованно полагает, что именно животиловско-волчанская группа, происходящая от позднетрипольских древностей типа Гординешты (район Единцы современной Молдавии) и Касперовцы (на Сбруче, Тернопольская область Украины), была предковой для культуры Новосвободной [11, с. 158; 5, с. 81]. Передаточным звеном между животиловско-волчанскими древностями Левобережья Днепра и Новосвободной на Кавказе был курганный могильник Койсуг на левобережье Дона [11, с. 159].

При этом предполагаемые пути от Животиловки и Волчанска до Койсуга (в среднем 350 км) и от Койсуга до Новосвободной в Адыгее (около 330 км) вместе едва превышают то расстояние, которое бесспорно было преодолено трипольцами от Касперовцев до Животиловки. Иными словами, миграция трипольцев до Кавказа совершенно реальна.

Круг исследования происхождения населения КМК – Михайловки III – дольменной культуры Новосвободной замыкается, если учесть, что специфические шпеньки имеют аналогии в Трипольской культуре [5, с. 64], и, несомненно, приходят в Новосвободную через Животиловку и Волчанск. Кроме того, древности Михайловки II обнаруживают генетическое родство с такими трипольскими поселениями, как Сандраки, Стена, Печора, также относящиеся к городско-касперовской группе Триполья CII [5, с. 64].

Перед нами две сестринские филиации в Степь из единой материнской городско-касперовской группы, одна из которых по радиоуглеродной хронологии не позднее 2760 г. до н.э. (4710±80 л.н.) [6, с. 418, таб. 18] основывает Михайловку II, а другая переходит Днепр и оставляет памятники животиловско-волчанского типа, дающие начало культуре Новосвободной. Насельники последней, дойдя до Кавказа, совершают возвратное движение к Днепру и основывают Михайловку III. Именно общностью происхождения (сестринским родством) объясняется единство средиземноморского антропологического типа носителей классической Ямной культуры (Михайловки II), поздних ямников (Михайловки III), ранних катакомбников Приазовья и носителей КМК.

Относительно этнолингвистического статуса носителей Михайловки II мы уже высказывали суждение, что это без сомнения были индоиранцы, причем

классические, сатемные – предки современных иранцев и индоарийцев [1]. При этом с точки зрения глоттохронологии самостоятельное бытие индоиранской группы должно было начаться гораздо раньше – на рубеже IV–III тыс. до н.э. (период Триполье CI), когда индоиранцы как еще недифференцированная общность выделяются из аугментной макро-группы [2, с. 917]. Дифференциация на современных иранцев и индоарийцев должна была произойти много позднее – около середины III тыс. до н.э. [3, с. 160].

Соответственно, миграция в Степь в период Триполья CII не могла еще привести к распаду индоиранской общности на иранцев и индоарийцев, но при этом в миграции синхронно-параллельно участвуют две сестринские группы, одна из которых основывает Михайловку II и в языковом строе которой происходит сатемизация фонетического ряда.

В силу этих обстоятельств мы полагаем, что другой сестринской группой, оставившей животиловско-волчанские древности, были кафиры – своеобразная лингвистическая группа индоиранцев, наиболее рано отделяющаяся от общности (задолго до ее распада) и сохраняющая в языке многие архаизмы, в частности, отсутствие ассибиляция палатальных фонем [2, с. 915]. Возможно, это было связано с чужеродностью кавказского окружения, в среду которого проникли животиловцы, и в качестве средства самоидентификации они консервировали и свято оберегали многие элементы духовной культуры, которые принесли с трипольской родины, в том числе свой архаичный язык.

Культура многоваликовой керамики имела тенденцию к экспансии и расширению своего ареала. Наиболее восточные находки многоваликовой керамики происходят из Волгоградской и Саратовской областей (соответственно Ивановка и Утес Степана Разина). Сходные элементы керамического комплекса позволили Е.Е. Кузьминой сделать вывод об участии носителей КМК в сложении новокуманского горизонта и всей Андроновской общности [8, с. 202].

На данной стадии исследований не вызывает сомнений иранская этническая атрибуция Андроново, однако это не исключает, что кафиры – потомки носителей КМК – проживали в составе общности и вместе с иранцами совершили миграции (путь на юг по выражению Е.Е. Кузьминой) в Среднюю Азию и далее – в долину ведической реки Сват в Северо-Западном Пакистане.

А.Х. Дани, обосновавший выделение Гандхарской культуры в долине Свата, предполагает две волны миграции – в I и III периодах, причем III период (около 1000 г. до н.э.) – это уже Железный век [8, с. 146]. Вслед за индопакистанскими исследователями А.Х. Дани и Б.К. Тхапаром, мы полагаем, что наиболее ранней волной были носители тех языков, которые продвинулись наиболее далеко на юго-восток, вплоть до устья священного Ганга. Иными словами, это были сатемные ведические арийцы [8, с. 148]. Вероятно, их дальнейшее продвижение с Инда в долину Ганга было вызвано второй волной миграции, случившейся в Железном веке. Носителей этой волны Дани называет кауравами «Махабхараты», имея в виду носителей древнего индоарийского языка гандхари, в начале н.э. вытесненного пуштунами. Однако мы вслед за Б.А. Литвинским полагаем, что носителями второй волны миграции были кафиры. При этом мы не усматриваем противоречия с позицией А.Х. Дани, поскольку кафир – это не самоназвание, а позднейший этноним, данный мусульманами и означающее неверный, ибо кафиры держались языческих верований, отчасти близких к ведическим. Самоназванием же, вполне возможно, действительно было кауравы. Это подтверждается появлением культа козла в Махабхарате (жертвоприношение

Дакши), каковой культ не отмечен в ведах, но был распространен в Андроновской среде [8, с. 158].

Не исключено, что гандхари – это язык тех сатемных индоарийцев, которые остались в регионе после прихода кафиров. Отношения древних языков – гандхари и кафиров, вероятно, были аналогичны отношениям пушту и дари-кабули в ходе афганской истории.

Кафиры мигрируют в долину Свата из ареала культуры Бишкент-Вахш на одноименной реке в Таджикистане. Как кафиров насельников Бишкент-Вахш определял Б.А. Литвинский. Е.Е. Кузьмина склонна полагать, что основным населением этой культуры были бактрийцы (восточные иранцы) [8, с. 93–94]. Их приход около 1250 г. до н.э. из ареала федоровского типа Андроновской общности повлек в период 1200–1000 гг. до н.э. отток аборигенных кафиров далее на юг [8, с. 151–153].

Мы полагаем, что кафиры мигрировали из Андроново в Бактрию гораздо ранее прихода бактрийцев – в фазе Джаркутан (1750–1500 гг. до н.э). В этот период действительно отмечается массовый наплыв андроновских мигрантов [9, с. 411]. Присутствие выходцев из Синташты и близких к ней комплексов (Кривое Озеро, Большекраганский) отмечено в погребении Зрдча-Халифа близ Самарканда. Е.Е. Кузьмина высказывает вполне основательное суждение, что, по крайней мере, с периода Джаркутан население Бактрии стало говорить на индоиранском языке, поскольку здесь отмечается явное доминирование Андроновских культурных традиций [8, с. 50–51, 82–84, 135–138]. Численность кафирского суперстрата в Джарткутане составляла от 13 до 63% населения, судя по погребальной обрядности.

Дойдя до Свата, кафиры не смогли продвинуться далее на восток, за Инд, поскольку земли Пенджаба уже были заняты современными обитателями (ведическими арийцами = пандавами «Махабхараты»). А вот последующий (уже в начале н.э.) приход пуштунов, вероятно, потомков древних бактрийцев, по существу наследовавших землю Афганистана и Северо-Западного Пакистана, оказался катастрофическим и для гандхари – язык полностью исчезает, и для кафиров – они оказались заперты между двумя супергруппами и оттеснены в труднодоступные горные ущелья, и их культурное развитие остановилось.

Заключение

Проанализировав имеющиеся в наличие данные, мы приходим к следующим выводам: носители КМК через Михайловку III, дольменную культуру и Новосвободную восходят к поздним трипольцам городско-касперовской группы, оставившим в период Триполья CII на левобережье Днепра памятники животиловско-волчанского типа. По лингвистической принадлежности это была та небольшая группа индоиранцев (позднее их назовут кафирами), у которых в отличие от большинства индоиранцев не произошло сатемизации палатальных фонем.

В ходе формирования КМК в степной полосе от Дуная до Дона, группа кафиров оторвалась от материнской культуры, преодолела Волгу и приняла участие в формировании новокумакского горизонта Андроновской общности. Уже в качестве участников Андроновской культуры кафиры в период Джаркутан мигрировали в Бактрию, а на III этапе Гандхарской культуры – в современный ареал своего обитания (Афганистан и Северо-Западный Пакистан).

Диалектика истории такова, что, хотя в Бронзовом веке предки современных кафиров занимали широкие просторы Причерноморских и Южнорусских степей, однако, оказавшись зажатыми между двумя сатемными группами индоиранцев (иранцами-бактрийцами и ведическими арийцами в Пенджабе), носители кафирских диалектов в настоящее время составляют крайне

малочисленную группу населения (от силы 160 тыс. человек), обитающую в глухих горных районах Афганистана. Судьба кафиров сходна с судьбой многочисленных иранских племен (киммерийцев, скифов, сарматов), некогда господствовавших в Южнорусских степях, но исчезнувших в результате нашествия тюрок.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Алексеев К.А. Ареально-диалектная дивергенция восточной ветви индоевропейской семьи (интегральный обзор) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2021. № 3. С. 131–145.

2. Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В. Индоевропейский язык и индоевропейцы: в 2-х кн. Тбилиси, 1984. 1330 с.

3. Гиндин Л.А. Население Гомеровской Трои. Историко-филологическое исследование по этнологии Древней Анатолии. М., 1993. 210 с.

4. Козинцев А.Г. О ранних миграциях европеоидов в Сибирь и Центральную Азию // Археология, этнография и антропология Евразии. 2009. № 4 (40). С. 125–136.

5. Коробкова Г.Ф., Шапошникова О.Г. Поселение Михайловка – эталонный памятник древнеямной культуры. СПб., 2005. 316 с.

6. Котова Н.С. Дереивская культура и памятники Нижнемихайловского типа. Киев; Харьков, 2013. 486 с.

7. Круц С.И. К вопросу об антропологическом составе населения катакомбной культуры в Северном Причерноморье // Проблемы изучения катакомбной культурно-исторической общности. Запорожье, 1990. С. 41–43.

8. Кузьмина Е.Е. Арии: путь на юг. М., 2008. 557 с.

9. Массон В.М. Центральная Азия // История Человечества. Т. 2. М.: ЮНЕСКО, 2003. С. 405-414.

10. Секвенирование полного митохондирального генома древнего человека, представителя новосвободненской культуры / Недолужко А.В. [и др.] // Acta Naturae. 2014. Т. 6, № 2 (21). С. 34–39.

11. Рассамакин Ю.Я. Квитянская культура: история и современное состояние проблемы // Stratum plus. 2002. № 2. С. 117–177.

12. Рысин М.Б. Культурная трансформация и культура строителей дольменов на Кавказе // Древние общества Кавказа в эпоху палеометалла. СПб., 1997. С. 85–123.

13. Сафронов В.А. Индоевропейские прародины. Горький, 1989. 400 с.

14. Трифонов В.А. Происхождение керамического комплекса «дольменной» культуры эпохи бронзы // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Т. 1. М.; СПб.; Н. Новгород, 2011. С. 289–291.

15. Шапошникова О.Г., Фоменко В.Н., Довженко Н.Д. Ямная культурно-историческая область (южнобугский вариант). Киев, 1986. 160 с.

16. Brandt G. Bestandig ist nur der Wandel! Die Rekonstruktion der Besiedelungsgeschichte Europas wahrend des Neolithikums mittels palao- und populationsgenetischer Verfahren: Dissertation. Mainz, 2014. 367 s.

17. A genomic Neolithic time transect of hunter-farmer admixture in central Poland / Fernandes D.M. [et al.] // PubMedCentral. 2018. 5 Oct.

REFERENCES:

1. Alekseev K.A. Areal-dialect divergence of the eastern branch of the Indo-European family (integral review) // Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: History and political sciences. 2021. No. 3. P. 131–145.

2. Gamkrelidze T.V., Ivanov V.V. The Indo-European language and the Indo-Europeans: in 2 books. Tbilisi, 1984. 1330 p.

3. Gindin L.A. Population of Homeric Troy. Historical and philological research on the ethnology of the Ancient Anatolia. M., 1993. 210 p.

4. Kozintsev A.G. On the early migrations of the representatives of European race to Siberia and the Central Asia // Archeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia. 2009. No. 4 (40). P. 125–136.

5. Korobkova G.F., Shaposhnikova O.G. The Mikhailovka settlement is a reference monument of the ancient pit culture. SPb., 2005. 316 p.

6. Kotova N.S. The Dereivskaya culture and the monuments of the Nizhnemikhailovsky type. Kiev; Kharkov, 2013. 486 p.

7. Kruts S.I. To the question of the anthropological composition of the population of the catacomb culture in the Northern Black Sea region // Problems of studying the catacomb cultural-historical community. Zaporozhye, 1990. P. 41–43.

8. Kuzmina E.E. Arias: the way to the south. M., 2008. 557 p.

9. Masson V.M. The Central Asia // History of Humanity. V. 2. M.: UNESCO, 2003. P. 405–414.

10. Sequencing of the complete mitochondrial genome of an ancient man, a representative of the Novosvobodnaya culture / Nedoluzhko A.V. [et al.] // Acta Naturae. 2014. V. 6, No. 2 (21). P. 34–39.

11. Rassamakin Yu.Ya. Kvityanskaya culture: history and current state of the problem // Stratum plus. 2002. No. 2. P. 117–177.

12. Rysin M.B. Cultural transformation and culture of dolmen builders in the Caucasus // Ancient societies of the Caucasus in the era of paleometal. SPb., 1997. P. 85–123.

13. Safronov V. A. The Indo-European homelands. Gorky, 1989. 400 p.

14. Trifonov V.A. The origin of the ceramic complex of the “dolmen” culture of the Bronze Age // Proceedings of the III (XIX) All-Russian Archaeological Congress. V. 1. M.; SPb.; N. Novgorod, 2011. P. 289–291.

15. Shaposhnikova O.G., Fomenko V.N., Dovzhenko N.D. The Yamnaya cultural-historical region (the South-Bugsky variant). Kiev, 1986. 160 p.

16. Brandt G. Bestandig ist nur der Wandel! Die Rekonstruktion der Besiedelungsgeschichte Europas während des Neolithikums mittels paläo- und populationsgenetischer Verfahren: Dissertation. Mainz, 2014. 367 p.

17. A genomic Neolithic time transect of hunter-farmer admixture in central Poland / Fernandes D.M. [et al.] // PubMedCentral. 2018. 5 Oct.